

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

УДК 316.4

DOI: 10.18413/2408-9338-2026-12-3-0-7

Исследовательская статья

¹Абрамова С. Б.

²Валеева М. В.

Отложенное счастье как барьер консолидации
и социальной активности граждан

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
улица Мира, дом 19, Екатеринбург, 620002, Россия

¹*s.b.abramova@urfu.ru*

²*m.v.shcherbakova@urfu.ru*

Аннотация. Консолидация российского общества является объектом теоретического и практического научного обсуждения с момента распада СССР и продолжает вызывать значительный интерес в контексте глобальных и российских трансформаций, влияющих на социально-экономические и политические структуры, базовые ценности и доверие, а также социокультурные практики и личные стратегии. В статье рассматривается счастье как ресурс, который служит основой для более активного и сплоченного общества. Оно способствует укреплению социальных связей и участию в жизни местных сообществ, а также повышает доверие и политическую согласованность. Однако в условиях нестабильности россияне формируют модель отложенного счастья, основанную на ожидании улучшения благосостояния после определенных событий в личной или социальной жизни. Основой эмпирической базы послужили результаты авторского социологического опроса городских жителей в сентябре 2024 года (N=1170) методом онлайн-анкетирования, вторым методом сбора информации стала серия глубинных интервью (N=39). Выводы: новизна исследования заключается во введении концепта «отложенного счастья» в исследования консолидации и социальной активности. Показано влияние счастья и его отложенных моделей на уверенность в будущем, устойчивость социальных связей, готовностью к гражданскому участию и солидарным практикам. Доказана связь интенсивности проявления модели отложенного счастья и роста социального пессимизма, страхов, неготовности к активизму. Впервые отложенное счастье рассмотрено не только как личностная стратегия, но и как социально-психологический барьер, мешающий формированию сплоченности и гражданской активности в условиях нестабильности общества позднего модерна.

Ключевые слова: консолидационный потенциал; социальная сплоченность; отложенное счастье; гражданская активность; традиционные ценности; социокультурные практики

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00617, <https://rscf.ru/project/24-28-00617/>.

Информация для цитирования: Абрамова С. Б., Валеева М. В. Отложенное счастье как барьер консолидации и социальной активности граждан // Научный результат. Социология и управление. 2026. Т. 12, № 3. С. 101-115. DOI: 10.18413/2408-9338-2026-12-3-0-7.

Research article

¹Sofya B. Abramova
²Marina V. Valeeva

**Delayed happiness as a barrier to consolidation
and social activity of citizens**

First President of Russia B. N. Yeltsin Ural Federal University,
19 Mira St., Yekaterinburg, 620002, Russia

¹s.b.abramova@urfu.ru

²m.v.shcherbakova@urfu.ru

Abstract. The consolidation of Russian society has been the subject of theoretical and practical scientific discussion since the collapse of the USSR and continues to generate considerable interest in the context of global and Russian transformations that affect socio-economic and political structures, core values and trust, as well as sociocultural practices and personal strategies. This article examines happiness as a resource that serves as the basis for a more active and cohesive society. It promotes stronger social ties and participation in local communities, and increases trust and political coherence. However, in conditions of instability, Russians form a model of delayed happiness, based on the expectation of improved well-being after certain events in personal or social life. The empirical base was based on the results of the author's sociological survey of city residents in September 2024 (N=1170) using the online questionnaire method; the second method of collecting information was a series of in-depth interviews (N=39). Conclusions: The novelty of the study lies in the introduction of the concept of "deferred happiness" into the studies of consolidation and social activity. The influence of happiness and its deferred models on confidence in the future, stability of social ties, readiness for civic participation and solidarity practices is shown. The connection between the intensity of the manifestation of the model of delayed happiness and the growth of social pessimism, fears, and unpreparedness for activism was proven. For the first time, deferred happiness is considered not only as a personal strategy, but also as a socio-psychological barrier that hinders the formation of cohesion and civic engagement in the context of the instability of late modern society.

Keywords: consolidation; social cohesion; delayed happiness; consolidation potential; civic activity; traditional values; socio-cultural practices

Acknowledgements: The research was funded by Grant No. 24-28-00617 of the Russian Science Foundation, <https://rscf.ru/project/24-28-00617/>.

Information for citation: Abramova, S. B., Valeeva, M. V. (2026), "Delayed happiness as a barrier to consolidation and social activity of citizens", *Research Result. Sociology and Management*, 12 (3), 101-115. DOI: 10.18413/2408-9338-2026-12-3-0-7.

Введение (Introduction). Консолидация российского общества выступает предметом научного и практико-ориентированного дискурса с момента распада СССР и сохраняет высокий исследовательский интерес в свете происходящих общемировых и российских трансформационных процессов, затрагивающих социально-экономические и политические структуры обществ, системы ценностей и доверия, социальные отношения на всех уровнях и

личностные стратегии. В рамках различных дисциплинарных подходов политологи, социологи, психологи, философы рассматривают консолидацию с точки зрения обеспечения национальной и социокультурной безопасности общества, выхода из кризиса и решения острых социальных проблем. Основные исследовательские направления затрагивают вопросы определения факторов, влияющих на рост консолидации или деконсолидирующих эффектов, установления механизмов ее формирования и роли СМИ, гражданского общества и социальной идентичности в этих процессах, а также выявления идеологических и ценностно-смысловых оснований, обеспечивающих переход от катастрофического сознания и конфронтации взглядов к интеграционным идеям и практикам.

Социальная консолидация может рассматриваться не только как инструмент разрешения кризисов, но и как устойчивая социокультурная практика, укорененная в представлениях о единстве, солидарности и коллективной ответственности. В условиях позднемодерных обществ, переживающих фрагментацию идентичностей и обостренную индивидуализацию (Растворов, Емельянова, Маслова, 2025), витальность таких традиционных базовых социальных ценностей как консолидация становится важным ресурсом для укрепления социокультурной целостности и устойчивого развития.

Поиск путей консолидации российского общества предполагает учет сложной системы факторов социально-экономического, культурного и политического порядка – уровня жизни, религии, правовой системы, политического согласия и др. Этот поиск зачастую связан с возрождением ценностных оснований, в том числе традиционных религиозных ценностей (Дубровин, 2025). В то же время рост социальной консолидации может быть представлен как результат ресурсной обеспеченности, связанной с актуализацией таких ресурсов как социальная и гражданская активность граждан, человеческий и социальный капитал, субъектность индивидов и социальных групп (Узунов, 2019).

В этой логике в работе счастье рассматривается как общественный ресурс, выступающий не просто как индивидуальное чувство или личностная цель, а как основа более активного, доверяющего и сплоченного общества. Состояние счастья выступает фактором и даже своего рода «катализатором», побуждающим людей строить и укреплять социальные связи, участвовать в жизни различных локальных сообществ и страны, укрепляет доверие и сплоченность как в межличностных взаимодействиях, так и в политическом согласии и отношении граждан к власти. Однако в условиях нестабильности и трансформационных рисков, с которыми сталкиваются современные россияне, формируется модель отложенного счастья, которая построена на идее откладывания счастья до наступления некоторых событий в личной или социально-политической жизни, после которых ощущение благополучия и счастья резко улучшится. Базовая гипотеза исследования основана на предположении, что формирование отложенных моделей счастья приводит к снижению уровня социальной и гражданской активности, а также готовности к практикам солидарности, что снижает консолидационный потенциал человека и выступает барьером консолидации российского общества перед лицом новых вызовов и рисков.

Методология и методы (Methodology and Methods). Консолидация общества имеет ключевое значение для устойчивого развития. В то время как социальная сплоченность пострадала во многих обществах от последствий пандемии и мировых трансформационных процессов, высокий уровень консолидации помог преодолеть критические ситуации в других обществах (Leininger, Burchi, Fiedler, et al., 2021).

Понятие «консолидация» имеет широкий спектр толкований в различных предметных полях научного знания, и зачастую трактуется в сугубо филологическом плане, аккумулируя в себе ряд синонимов, таких как объединение, укрепление, упрочнение, сплочение (Чигрин, Узунов, 2022). В западной научной традиции определения консолидации и связанные с ними концептуальные рамки чаще опираются на понятие социальной сплоченности как коллективных атрибутов и поведения, характеризующихся позитивными социальными

отношениями, чувством принадлежности и ориентацией на общее благо (Moustakas, 2023: 1030). Однако существует как большое разнообразие определений, так и разногласия относительно того, что составляет основные компоненты, причины и последствия социальной сплоченности.

Несмотря на продолжающиеся опасения по поводу состояния социальной консолидации в современных обществах, достаточно мало известно о том, какие условия на самом деле ослабляют консолидацию общества, а какие ее усиливают. Например, остается открытым и дискутируемым вопрос, формируется ли консолидация общества универсальными социальными силами, которые будут иметь одинаковое влияние по всему миру, или региональными контекстами. Сравнительное исследование Дж. Делей с коллегами выявило, что ряд коррелятов (такие, как экономическое благополучие) действительно являются универсальными, однако другие (неравенство доходов и политическая свобода) влияют по-разному в разных обществах (Delhey, Voehnke, Dragolov, et al., 2018).

Современные отечественные исследования проблем консолидации исходят главным образом из трех основных посылок: 1. дефицит солидарности как результат отсутствия социокультурной преемственности (Полюшкевич, 2017), исторической памяти и общих ценностно-мировоззренческих комплексов (Горшков и Тюрина, 2023), фронтальных положений регионов и внешних угроз (Хунагов, 2023); 2. дефицит солидарности как результат глубокого социального и экономического неравенства (Самсонова, Шпуга, 2015), возрастающего цифрового неравенства (Селезнев, Сургуладзе, 2021) и социальной эксклюзии; 3. дефицит солидарности как результат социально-психологической деформации: низкий уровень социального доверия, в том числе к власти (Ильичева, Лапин, 2022), пессимизм в представлениях о будущем своем и страны (Великая, Тартыгашева, Новоженина, 2023), трансформация социального активизма (Абрамова, Антонова, 2023).

В целом теоретическая эволюция понимания социальной консолидации демонстрирует переход от внимания к групповым механизмам к подчеркиванию индивидуальных точек зрения, доверия и общих ценностей как критических факторов в укреплении сплоченности и конструирования восходящих моделей солидарности (Davtyan, Selyukov, 2017). Эта эволюция отражает актуализацию изучения социальной консолидации на индивидуальном уровне и подчеркивает современный акцент на личных убеждениях и эмоциях, способствующих укреплению лояльности и единства.

По определению Дж. Тейлор и А. Девис., социальная сплоченность подразумевает близость, координацию и стабильность отношения между членами группы (Taylor, Davis, 2018: 2). Интерес их исследования направлен на понимание повседневных механизмов, культурных практик, базовых ценностей и норм, а также психических состояний, поддерживающих межличностные социальные связи: были выделены механизмы «коллективного бурления» (группового смеха, танцев, физических занятий), ритуалов (молитвы, чаепития) и социально-политических эффектов (социального доверия и приверженности власти), используемые для усиления консолидации группы.

Данный научный вектор привел к исследовательскому интересу о взаимосвязи консолидации и субъективного благополучия, состояния счастья. И прежде всего, что первично – солидарность или счастье? Большое число работ написано для демонстрации влияния социальной активности и сплоченности на ощущение счастья. Классическая работа R. Putnam о том, как снижение социальных связей ведет к утрате доверия и снижению гражданской активности (Putnam, 2000), вызвала исследовательский тренд. Были выявлены закономерности, связанные с положительным влиянием социальной поддержки, особенно со стороны членов семьи, на субъективное благополучие (Wei, 2024: 173-175), организационной поддержки и корпоративного оптимизма на счастье сотрудников (Dhiman, Kanojia, Jamwal, et al., 2025), социального капитала на прогнозирование уровня счастья (Leung, Kier, Fung, et al., 2011) и др. Отечественные ученые включены в данное поисковое поле. О. В. Синявская

с коллегами (Синявская, Червякова, Карева, 2019) показали, что формальная (деятельность в волонтерских организациях) и неформальная (контакты с друзьями, родственниками, сослуживцами) социальная активность положительно влияют на уровень счастья людей старшего возраста. И. Мерсиянова в мониторинге состояния гражданского общества отмечает: «Участники субботников, собраний жильцов или публично высказывающие свое мнение счастливы заметно чаще, чем игнорирующие общественную активность»¹.

Однако в настоящее время в научных публикациях все чаще подчеркивается двунаправленность связи консолидации и счастья. В начале 2000-х годов Б. Фредриксон (Fredrickson, 2001) в рамках «теории расширения и построения» положительных эмоций рассмотрела эффект «положительной спирали»: положительные эмоции расширяют восприятие человека, его мышление и поведение, что позволяет видеть больше возможностей, строить крепкие социальные связи, находить нестандартные решения. Запускается устойчивая спираль развития личности, долгосрочных социальных связей и субъективного благополучия. Это создает добродетельный круг (virtuous cycle): чем счастливее человек, тем он активнее; чем он активнее, тем счастливее. На основании этого, согласно S. Lyubomirsky, высокий уровень положительных эмоций предсказывает более активное волонтерство, доверие, большую вовлеченность в сообщество и гражданскую жизнь (Lyubomirsky, King, Diener, 2005).

В контексте данного исследования более важным является акцент влияния счастья на уровень консолидации, особенно в условиях трансформирующегося российского общества. С одной стороны, достаточное число публикаций подтверждают универсальность этой связи. World Happiness Report ежегодно показывает, что такие факторы, как социальная поддержка, возможность рассчитывать на кого-то в трудную минуту, просоциальное поведение и доверие к власти, являются ключевыми предикторами уровня счастья в стране². Это работает и в обратную сторону: чем счастливее люди, тем крепче социальные связи, тем чаще голосуют на выборах и участвуют в работе политических партий и общественных движений³. Для 27 стран Европейского Союза на основании Индекса сплоченности Фонда Бертельсмана было показано, что все области сплоченности (общие базовые ценности, общий опыт, гражданское участие, взаимопомощь, доверие к другим, социальные сети, социальный порядок, принятие разнообразия и др.) связаны с субъективным благополучием (Delhey, Voehnke, Dragolov, et al., 2018). Для России середины 2010-х годов эта модель также подтверждалась: по результатам аналитики ФОМ, чем счастливее люди в России, тем чаще они занимают активную гражданскую позицию, что отражается в значениях показателей индексов гражданского климата и гражданского поведения у этих групп⁴. Горожане, которые удовлетворены своей жизнью и положением дел в регионе, демонстрируют наибольшую склонность к солидарности (Городские локальные идентичности, 2015: 372).

С другой стороны, современные российские реалии определяют особые условия развития как процессов консолидации, так и субъективного благополучия. Позднемодерная среда, которая характеризуется неопределенностью, хаотизацией множества процессов в сочетании с высокой скоростью общественных изменений (Воронов, 2023: 5), отражается в ценностно-смысловых основаниях, социокультурных практиках и субъективных переживаниях граждан, в изменении ресурсов и механизмов проявления человеческого капитала и гражданственности (Недяк, 2024). В стратегиях достижения счастья это приводит

¹ Мерсиянова И. Счастье и благополучие как новые парадигмы человеческого прогресса // НИУ ВШЭ. URL: <https://grans.hse.ru/news/582571051.html> (дата обращения: 06.06.2025).

² World Happiness Report 2022 // World Happiness Report. URL: https://www.wellbeingintlstudiesrepository.org/hw_happiness/2/ (Accessed 16 June 2025).

³ World Happiness Report 2023 // World Happiness Report. URL: <https://worldhappiness.report/ed/2023/the-happiness-agenda-the-next-10-year/> (Accessed 16 June 2025).

⁴ Индекс счастья // ФОМ. URL: <https://fom.ru/Nastroeniya/11037> (дата обращения 06.06.2025).

к формированию адаптационных моделей, среди которых одной из основных, на наш взгляд, становится откладывание счастья на будущее. Модели отложенного счастья связаны с ожиданием устойчивого и ярко выраженного счастья в будущем: счастье откладывается до наступления каких-то событий или условий в жизни отдельного человека, его ближайшего окружения или общества (Абрамова, Валеева, 2024: 29).

Проблематика отложенного счастья недостаточно изучена в социальных науках. В результате одного из немногих исследований были выявлены такие признаки синдрома отложенного счастья, как тенденция проводить долгие часы на не приносящей удовлетворение работе, при этом испытывая чувство вины за пренебрежение отношениями с семьей, ощущение неполноценности жизни, желание когда-нибудь сделать то, что всегда хотели сделать, и мечты о счастливой пенсии (Hamilton, 2004). Для значительной части современных россиян характерна неудовлетворенность полнотой жизни в настоящем, ожидание в будущем более интересных и полноценных событий, чем сейчас, жертвование собственными интересами ради благополучия близких с надеждой наверстать упущенное потом (Абрамова, 2024).

Поскольку счастье является одним из предикторов социальной консолидации, цель данной работы – определить возможности отложенного счастья выступать в качестве барьера личностной активности, участия в практиках социальной и гражданской активности и консолидации населения, в том числе перед новыми вызовами. В задачи проведенного исследования вошло изучение консолидарных контекстов понимания счастья, анализ категории отложенного счастья, оценка связи отложенного счастья с уровнем солидарности и готовности к гражданской активности.

Основой эмпирической базы послужили результаты авторского социологического опроса городских жителей в сентябре 2024 года. Опрошено 1170 человек в возрасте 18-60 лет методом онлайн-анкетирования. Для построения выборочной совокупности был осуществлен квотный отбор с учетом следующих характеристик: тип населенного пункта, пол, возраст. Территориальное позиционирование выборки предполагало включение жителей столичных городов (Москва, Санкт-Петербург, 22% выборки), областного центра (Екатеринбург, 33,3% опрошенных), больших городов (20,5%), а также средних и малых городов Свердловской области (23,9%). Полученные в ходе опроса данные были обработаны с использованием программы SPSS. Для достижения поставленной цели применялись методы работы с количественными данными: построение одномерных и двумерных частотных распределений, корреляционный анализ, расчет показателей средних величин. Вторым методом сбора информации стала серия глубинных интервью (N=39), где приняли участие жители столичных городов областного центра, а также средних и малых городов Свердловской области трех поколенческих групп (18-24, 25-40, 41-60 лет).

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Как показали результаты проведенного исследования, в ответах участников наблюдается присутствие консолидационных идей и социальной активности в понимании счастья: для 47,3% опрошенных счастье заключается в наличии семьи, детей и внуков; связывают понятие счастья с присутствием друзей и хорошего круга общения 34,4% участников опроса (это наиболее характерно для представителей молодого поколения в возрасте от 18 до 24 лет – 49,5%), а для 27,8% опрошенных понятие счастья включает в себя доверие людей, взаимоуважение, взаимопонимание в обществе. Можно говорить о присутствии двух основных консолидарных контекстов понимания счастья: на макроуровне – связь счастья и доверия, взаимопонимания в обществе, а на микроуровне – наличие семьи, друзей и круга общения для ощущения счастья.

Вместе с тем, счастье и улучшение жизни, по мнению респондентов, также в большей степени зависит от близких родственников (59,5%) и друзей (32,2%). Эти данные свидетельствуют о том, что счастье напрямую может быть связано с наличием близких

людей, на которых можно положиться. Как отметил информант в одном из интервью: «...быть счастливым – это иметь семью, детей, и чтобы было, конечно же, полное взаимопонимание, чтобы это была дружная семья, чтобы ты был уверен в завтрашнем дне, что тебе помогут, никто тебя не осудит...» (ж., 51). Схожие результаты были получены Семеновым Л. И. и коллегами (Семенова, Урусова, Васильева, 2017): значимые составляющие счастья устойчиво связаны с традиционными ценностями семьи и общения с близкими, друзьями.

Обозначенные консолидационные идеи также можно заметить и в повседневных механизмах повышения счастья: чаще всего наши респонденты отмечали, что когда они испытывают чувство несчастья, неудовлетворенности жизнью, то в первую очередь обращаются за помощью, поддержкой и утешением к родным, близким (54%) или друзьям (40,1%, среди молодежи – 50,8%): «со страхами, опасениями, какими-то личными переживаниями мне действительно очень помогает встреча с моими подругами, обсуждение, перемалывание одной и той же темы десять тысяч раз» (ж., 22) – было подчеркнуто в одном из интервью. Таким образом, можно говорить о том, что люди стремятся к преодолению несчастья через обращение к другим людям. Особо отметим, что все поколения опрошенных близки в своих практиках преодоления несчастья, что позволяет указать на значимость поколенческой трансляции традиционных ценностей для достижения межпоколенной консолидации как базового основания социальной солидарности (Немова, Свадьбина, 2024) и субъективного благополучия.

Результаты исследования от компании Prognosis показывают, что россияне испытывают счастье от коллективности во всех сферах жизни – на рабочем месте и дома они счастливее, если они делают что-то совместно с другими, доверие к людям и общественным институтам оказывает решающее влияние на уровень счастья – более счастливы люди, которые доверяют своим близким, работникам госструктур, учителям и т. д.¹

Далее хотелось бы обратить внимание на связь уровня счастья и консолидации. На основании субъективных оценок уровня текущего счастья участники исследования были разделены на три категории: с высоким субъективным ощущением счастья (44,1% опрошенных, 8-10 баллов из 10), средним (46,8% респондентов, 4-7 баллов) и низким (9,1%, 1-3 балла).

Солидаризирующие и активистские контексты имеют статистически значимую связь с уровнем счастья. Чем более счастливы опрошенные городские жители, тем реже они пренебрегают значимыми отношениями (средний показатель согласия 2,51 из 7 баллов, в группе с низким уровнем счастья – 3,14), тем более уверенно они смотрят в будущее (53,9% уверенных в сравнении с 23,6% при низких показателях счастья), тем лучше оценивают отношения с любимым человеком и близкими (4,06 и 4,37 баллов из 5, в низкосчастливой подгруппе – 2,58 и 3,64 соответственно), тем реже они чувствуют беспомощность, деморализацию и снижение активности при возникновении жизненных проблем (43,2% среди респондентов с высоким уровнем счастья и 88,7% – с низким). Свою модель отношения к жизни респонденты переносят и на других людей: большинство очень счастливых людей полагают, что при наступлении неблагоприятного периода или негативных переживаний человек становится более активным и стремится преодолевать эту ситуацию (57%), а большинство менее счастливых – что человек становится менее активным (71,7%): «величина твоих жизненных проблем или жизненных успехов, она зависит больше не от того, какие ситуации происходят у тебя в жизни, а от того, как ты к ним относишься... если даже у тебя ничего не получается, но ты стараешься, предпринимаешь какие-то действия и чувствуешь себя счастливым – ты кузнец своего счастья» (м., 22).

¹ Российские социологи представили портрет счастливого человека // Национальные приоритеты. URL: <https://xn--80aapamcavoccigmpc9ab4d0fkj.xn--p1ai/news/rossiyskie-sotsiologi-predstavili-portret-schastlivogo-cheloveka/> (дата обращения: 14.06.2025).

Важно подчеркнуть, что социокультурные практики солидарности у счастливых людей не выступают как жертвенность: чем более счастливы люди, тем реже они жертвуют собственными интересами ради комфорта и благополучия своих близких (часто попадают в такую ситуацию 33% опрошенных с низкими показателями счастья и 18,4% с высокими). Во многом это может быть связано с тем, что счастливые люди значительно реже испытывают страхи, связанные с поддерживающим взаимодействием и социальной активностью – страхи социального отвержения, потери работы, принятия важных решений, неопределенности (Таблица).

Таблица

Испытываемые страхи в зависимости от уровня счастья, в %

Table

Experienced fears depending on the level of happiness, %

Испытываемые страхи / Fears experienced	Уровень счастья / Happiness level		
	Низкий / Low	Средний / Average	Высокий / High
Социального отвержения / Social rejection	44,3	32,5	17,4
Потери / Loss	40,6	40,9	28,3
Принимать важные решения / Making important decisions	37,7	29,0	19,4
Публичности и конфликтов / Publicity and conflicts	29,2	19,3	18,2
Организационные / Organizational	37,7	36,5	26,4
Системные / Systemic	29,2	20,3	13,2
Различных категорий людей / Different categories of people	32,1	27,2	24,4
Быть счастливым / Being happy	17,9	9,7	9,7
За здоровье / Health	51,9	58,4	50,2
Неопределенности / Uncertainty	52,8	47,8	25,6
Социальных кризисов / Social crises	28,3	30,1	23,1
Глобальных катастроф / Global catastrophes	16,0	18,2	17,2
Никакие страхи не присутствовали / No fears were present	6,6	5,3	14,5

Базовые консолидационные ценности на макроуровне связаны с восприятием дифференциации общества и социальной идентичностью. Потенциал гражданского единства во многом связан с оценкой различий между социальными общностями и доверием к представителям разных социальных групп и институтов. Результаты исследования показывают, что уровень личного счастья влияет на восприятие отличий между социальными общностями. Самые счастливые респонденты значительно чаще указывают на отсутствие связи счастья с возрастом (71,7%), материальным положением (66,9%) или размером населенного пункта проживания человека (74,4%) (в категории наименее счастливых 53,8%, 43,4% и 50% соответственно): «в своей жизни я встречала совершенно разных счастливых людей, с разными характеристиками, в разных жизненных ситуациях» (ж., 51). Как результат, в обществах с высоким средним уровнем счастья (например, в скандинавских странах) обычно ниже уровень политической поляризации и враждебности, поскольку люди склонны к межгрупповому доверию, сотрудничеству и поиску компромиссов.

В ответах представителей городского населения, принявших участие в исследовании, достаточно четко прослеживается связь моделей отложенного счастья и консолидационных установок. В ходе анализа теоретических подходов была сконструирована индикаторная модель отложенного счастья, включающая в себя 14 показателей (Абрамова, Валеева, 2024:

27-28): на ее основании респонденты разделены по степени интенсивности проявления индикаторов отложенного счастья на подгруппу с низкой (24,1%), средней (50,4%) и высокой (25,5%) выраженностью отложенного счастья.

Респонденты с наименьшим проявлением отложенного счастья реже заявляли, что в данный момент пренебрегают значимыми отношениями с семьей, друзьями (1,55 из 7 баллов, в то время как в группе с высокой интенсивностью – 4,06), каждый второй представитель невыраженной модели отложенного счастья заявляет о хороших отношениях с родными и близкими, в то время как среди представителей модели с наибольшим проявлением отложенного счастья хорошие отношения с близкими имеет только каждый третий. Как отметил один из информантов: *«для того, чтобы почувствовать себя счастливым, нужно не забывать близких и общаться с ними почаще»* (м., 25). Все остальные показатели консолидации на макро- и микроуровне имеют аналогичные схожие тренды: с ростом интенсивности откладывания счастья уменьшается выраженность практик и установок солидарности. Люди с высоким показателем уровня отложенного счастья чаще чувствуют себя неуверенно в планах о будущем (46% в сравнении с 16,3% среди респондентов с низким показателем откладывания), хуже оценивают отношения с близкими (3,87 и 4,25 балла из 5 соответственно), реже имеют друзей и тех, на кого можно положиться (их нет у 25,1% в сравнении с 12%).

Помимо этого, стоит обратить внимание на проявление страхов, связанных с консолидацией, у представителей разных моделей отложенного счастья. Так, о страхах, связанных с социальным отвержением (одиночества, получить отказ, осуждения, неодобрения, равнодушия), заявили 38,9% среди тех, кто имеет наибольшее проявление модели отложенного счастья, против 12,1% у тех, кто имеет меньшее проявление данной модели, также, в большей степени у представителей высокоинтенсивной модели проявляются страхи потери (потерять работу, друзей, доход, внешнюю привлекательность) (45,6% против 21,6%), страхи публичности (проявлять свои чувства, отказывать людям, страхи выступлений, конфликтов) (22,1% против 12,8%). Люди с высокой выраженностью установок на откладывание счастья более склонны жертвовать своими интересами и чаще отказываются от них в пользу интересов близких (28,2% часто с этим сталкиваются). Таким образом, откладывание счастья связано с более высокой актуализацией страхов, содержащих проблемы консолидации, а также со снижением готовности реализовать свой личный человеческий потенциал.

Далее рассмотрим связь социальной активности с уровнем счастья. По мнению большей части опрошенных (67,4%), если человек не чувствует себя счастливым, то это мешает чувствовать общность интересов с другими людьми, проявляет в нем негативные черты, эгоизм; и здесь нет отличий в мнении людей с разной интенсивностью откладывания счастья. Однако если проследить влияние отложенного счастья на социальную активность можно заметить, что среди респондентов обозначенной группы высокой интенсивности откладывания в случае ощущения себя несчастным 73,2% ощущают беспомощность и становятся менее активным, это их деморализует, в то время как среди участников с низким уровнем откладывания такая реакция свойственна 43,9%. Среди информантов в интервью преобладает точка зрения о том, что занятию разного рода социальной и гражданской активности в большей степени подвержены счастливые в настоящий момент люди: *«скорее счастливые будут заниматься социальной активностью, у них есть на это силы»* (ж., 24); *«несчастливому человеку такая деятельность может как раз помочь в поисках счастья, но все-таки я убежден, что скорее счастливый [будет заниматься гражданской и социальной активностью], потому что у несчастливого есть другие заботы, которые касаются его личного»* (м., 25); *«люди, которые себя ощущают счастливыми, самодостаточными, уверенными, именно они занимаются вот этой деятельностью»* (ж., 51).

Также выявлена связь между моделями проявления отложенного счастья и реализацией общественной активности. Опрошенные жители городов, в наименьшей степени проявляющие модель откладывания счастья, несколько чаще (54,6%) относили себя к общественно активным людям, чем те, у кого наблюдается среднее (49,2%) или наибольшее (44,3%) проявление модели отложенного счастья.

Стоит подчеркнуть, что участники, склонные к откладыванию счастья, видят больше различий между людьми с разными социальными характеристиками: 43,9% из них считают, что счастье зависит от возраста, 52,3% – от материального достатка, 41,6% – от места проживания. Тогда как респонденты с наименьшим проявлением отложенного счастья значимо реже (20-25%) отмечают такие различия. Помимо этого, опрошенные с наибольшим проявлением модели отложенного счастья в жизненных ситуациях больше обращают внимание на поводы для тревог и огорчений (43,6%), чем для радости (37,2%), в то время как минимизация установок на отложенное счастье связано с акцентом на позитивные события (73,8%) и незначительной долей акцентирующихся на трудностях (8,2%). Можно заключить, что потенциал конфликтов и социальной напряженности имеет связь с интенсивностью отложенного счастья: в группах с выраженными установками возникают риски социальной напряженности, негативных оценочных суждений, протестных настроений и конфликтных ситуаций.

Таким образом, отложенное счастье и снижение готовности к консолидации и социальной активности связаны в установках и моделях поведения горожан. С одной стороны, когда человек откладывает удовлетворение своих потребностей или радости на будущее, это может привести к снижению мотивации и активности в настоящем: люди становятся менее склонными к взаимодействию, к участию в социальных мероприятиях или к объединению усилий для достижения общих целей. При ожидании «лучшего времени» для счастья человек может упустить возможности для создания и укрепления социальных связей, традиционных ценностных оснований, активизации социокультурных практик, что в свою очередь может ухудшить его общее эмоциональное состояние и запустить «негативную спираль». С другой стороны, двунаправленность влияния счастья и активизма проявляется и в контексте откладывания счастья: люди с низкой социальной активностью, социальным пессимизмом или неудовлетворенные своей жизнью могут проявлять более выраженную склонность к отложенным моделям счастья. Однако для реализации целей данной работы важным представляется вывод о возможности влияния на консолидационный и активистский потенциал городского населения через изменение установок на счастье сейчас или откладывание на потом.

Заключение (Conclusion). Новизна представленного исследования заключается во введении концепта «отложенного счастья» в поле исследований консолидации и социальной активности. Впервые в российской научной традиции понятие «отложенного счастья» рассматривается не только как личностная эмоционально-поведенческая стратегия индивида, но как социально-психологический барьер, препятствующий формированию сплоченности, гражданской активности и консолидации общества в условиях нестабильности. Работа позволяет углубить понимание двунаправленной связи между ощущением счастья и готовностью к социальному участию и солидарности: показано, что не только просоциальная деятельность способствует росту счастья, как утверждалось ранее в исследованиях, но и модели счастья, в том числе отложенные, являются детерминантой склонности к участию в солидаристских и общественно значимых практиках. Акцент в исследовании сделан на консолидационный потенциал, связанный с субъективными эмоциями и установками на отложенное счастье. Исследование демонстрирует возможности расширения структурных и институциональных объяснений консолидации через введение эмоциональных и ценностных оснований, что открывает перспективы дальнейшего изучения роли счастья как фактора, а отложенного счастья – как барьера социального единства.

В работе использована разработанная индикаторная модель отложенного счастья, включающая 14 поведенческих и установочных показателей и позволившая измерить степень выраженности установки на отложенное счастье и ее связь с уровнем социального доверия, активности и солидарности. При анализе полученных данных обоснована связь высокой выраженности модели отложенного счастья со страхами, социальным пессимизмом, отсутствием чувства контроля над своей жизнью, снижением участия в солидарных практиках и ростом поляризации восприятия различных социальных общностей. Напротив, жители городов, ориентированные на счастье «здесь и сейчас», значительно чаще участвуют в общественной жизни, чувствуют общность интересов с другими, позитивно относятся к разнообразию в обществе, склонны к конструктивному взаимодействию и готовы на коллективные действия. Это позволяет рассматривать отложенное счастье как предиктор и одновременно проявление социальной напряженности, протестных настроений, как барьер сотрудничества на межличностном и общностном уровнях. Это снижает консолидационный потенциал общества в целом и повышает уязвимость перед внешними и внутренними вызовами. В этих условиях особую значимость приобретает обращение к устойчивым культурным основаниям солидарности – традиционным ценностям, исторически укорененным в семейных, религиозных, общинных и государствообразующих традициях российского общества. Витальность этих оснований в позднемодерных обществах может способствовать преодолению откладывания счастья и социального пессимизма, а также актуализации коллективной и гражданской субъектности, необходимой для укрепления единства и доверия.

Основным ограничением исследования выступают географические рамки выборки и опрос только городских жителей. Перспективными направлениями дальнейших исследований представляется углубленное изучение структурных и институциональных факторов формирования отложенного счастья, анализ влияния региональных социально-политических условий на формирование моделей отложенного счастья и их преодоление, исследование трансформации установки на счастье, динамики моделей отложенного счастья и солидарности в условиях трансформации российского общества с целью оценки трендов влияния отложенного счастья на устойчивость гражданской сплоченности и оценки эффективности стратегий минимизации установок на откладывание счастья.

Список литературы

Абрамова С. Б. Темпоральность и отложенные модели как динамические характеристики счастья // Социодинамика. 2024. № 10. С. 40-50. DOI: 10.25136/2409-7144.2024.10.72292. EDN: JFIQQS.

Абрамова С. Б., Антонова Н. Л. Ответственность как фактор гражданского активизма молодежи // Вестник Пермского университета. Политология. 2023. № 17(4). С. 89-101. DOI: 10.17072/2218-1067-2023-4-89-101. EDN: YCSHKF.

Абрамова С. Б., Валеева М. В. Социальные страхи и счастье: дуальность в формировании отложенных моделей счастья // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, № 1. С. 20-30. DOI: 10.18500/1818-9601-2025-25-1-20-30. EDN: F1BYXJ.

Великая Н. М., Тартыгашева Г. В., Новоженина О. П. Представления о геополитическом будущем России как фактор консолидации российского общества // Регионология. 2023. Т. 31, № 2 (123). С. 275-293. DOI: 10.15507/2413-1407.123.031.202302.275-293. EDN: TXSBSX.

Воронов В. А. Ценностные основания консолидации в условиях рискогенного общества // Социально-гуманитарные знания. 2023. № 8. С. 5-7. EDN: AEDHVE.

Городские локальные идентичности: проблемы дифференциации и факторы консолидации местных сообществ / Евстифеев Р. В., Задорин И. В., Крупкин П. Л., Лебедев С. Д. // Региональная дифференциация и консолидация социального пространства России: реалии и новые вызовы: V Сухаревские чтения: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Саранск,

15-16 октября 2015 года. Саранск: Государственное казенное учреждение Республики Мордовия «Научный центр социально-экономического мониторинга», 2015. С. 368-373. EDN: VGAUXT.

Горшков М. К., Тюрина И. О. Консолидация российского общества в условиях современных вызовов: историко-социологический и ценностно-мировоззренческий контексты // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2023. Т. 23, № 4. С. 720-739. DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-4-720-739. EDN: FQZJXO.

Дубровин В. Л. Религия и социальная интеграция. Концепция гражданской религии, проблема ее формирования в современном российском обществе // Гуманитарий Юга России. 2025. Т. 14, № 5 (75). С. 45-60. DOI: 10.18522/2227-8656.2025.5.3. EDN: VARMUM.

Ильичева Л. Е., Лапин А. В. Доверие к власти и социально-политическая консолидация общества // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28, № 3. С. 50-67. DOI: 10.19181/nko.2022.28.3.4. EDN: UZXUSM.

Недяк И. Л. Перспективы трансформативной политики и консолидации российского общества: фактор гражданственности // Социально-политические науки. 2024. Т. 14, № 4. С. 44-50. DOI: 10.33693/2223-0092-2024-14-4-44-50. EDN: NWKAEО.

Немова О. А., Свадьбина Т. В. Опыт межпоколенной трансляции базовых ценностей как фактор обеспечения солидарных отношений в российском обществе // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2024. Т. 10 (76), № 3. С. 13-28. EDN: WPNCWR.

Полюшкевич О. А. Идеологические ресурсы социокультурной солидарности // Государственное управление. Электронный вестник. 2017. № 64. С. 217-230. EDN: XDBSAU.

Растворов А. И., Емельянова О. Б., Маслова Е. С. Постмодерн и традиционная российская идентичность // Общество: философия, история, культура. 2025. № 6 (134). С. 222-233. DOI: 10.24158/fik.2025.6.28. EDN: QBTDXT.

Самсонова Т. Н., Шпуга Е. С. К вопросу о консолидации современного российского общества // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015. № 4. С. 98-118. EDN: WBOREV.

Селезнев П. С., Сургуладзе В. Ш. Цифровые вызовы социально-политической консолидации и коллективной идентичности общества // Век глобализации. 2021. № 4 (40). С. 131-144. DOI: 10.30884/vglob/2021.04.09. EDN: TKUWLO.

Семенова Л. Э., Урусова Е. А., Васильева Д. А. Место семьи в представлениях мужчин и женщин о счастье // Мир науки. Педагогика и психология. 2017. № 2. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/36PSMN217.pdf> (дата обращения: 16.06.2025). EDN: YUQKWR.

Синявская О. В., Червякова А. А., Карева Д. Е. Помогающие и счастливые? Влияние социальной активности на счастье людей старше 50 лет в европейских странах // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 6. С. 237-258. DOI: 10.14515/monitoring.2019.6.12. EDN: JQDDWR.

Узунов В. В. Социальная консолидация в фокусе научно-исследовательского дискурса // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 7. С. 118-124. EDN: OZDUWX.

Хунагов Р. Д. Консолидация российского регионального сообщества: анализ рисков и угроз // Гуманитарий Юга России. 2023. Т. 12, № 1. С. 39-53. DOI: 10.18522/2227-8656.2023.1.3. EDN: CQRQFD.

Чигрин В. А., Узунов В. В. Особенности социальной консолидации региональных сообществ юга России // Гуманитарий Юга России. 2022. Т. 11, №1. С.150-159. DOI: 10.18522/2227-8656.2022.1.11. EDN: ZYZNSE.

Davtyan, D. V., Selyukov M. V. Value of justice as the basis for building consolidation of the population in modern Russia // Research Result. Sociology and Management. 2017. Vol. 3, №. 4. Pp. 107-113. DOI: 10.18413/2408-9338-2017-3-4-107-113. EDN YWYLPF.

Delhey J., Boehnke K., Dragolov G., et al. Social Cohesion and Its Correlates: A Comparison of Western and Asian Societies // Comparative Sociology. 2018. Vol. 17, № 3-4. Pp. 426-455. DOI: 10.1163/15691330-12341468.

Dhiman N., Kanojia H., Jamwal M. et al. A systematic review on employee happiness: three-decade review, synthesis and research propositions // Journal of Management History. 2025. URL: <https://www.emerald.com/insight/1751-1348.htm>. (Accessed 16 June 2025).

- Fredrickson B. L. The role of positive emotions in positive psychology. The broaden-and-build theory of positive emotions // *Am Psychol*. 2001. № 56(3). Pp. 218-226. DOI: 10.1037//0003-066x.56.3.218.
- Hamilton C. Carpe Diem? The Deferred Happiness Syndrome. The Australia Institute, 2004. 9 p. URL: https://australiainstitute.org.au/wp-content/uploads/2020/12/WP57_8.pdf (Accessed 10 June 2025).
- Leininger J., Burchi F., Fiedler Ch. et al. Social cohesion: a new definition and a proposal for its measurement in Africa // *Discussion Paper*. 2021. №. 31. DOI: 10.23661/dp31.2021.v1.1.
- Leung A., Kier Ch., Fung T. et al. Searching for Happiness: The Importance of Social Capital // *Journal of Happiness Studies*. 2011. Vol. 12 (3). Pp. 443-462. DOI: 10.1007/s10902-010-9208-8.
- Lyubomirsky S., King L., Diener E. The Benefits of Frequent Positive Affect: Does Happiness Lead to Success? // *Psychological Bulletin*. 2005. № 131 (6). Pp. 803-855. DOI: 10.1037/0033-2909.131.6.803.
- Moustakas L. Social Cohesion: Definitions, Causes and Consequences // *Encyclopedia*. 2023. № 3. Pp. 1028-1037. DOI: 10.3390/encyclopedia3030075.
- Putnam R. D. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community // *Proceedings of the 2000 ACM conference on Computer supported cooperative work*. Philadelphia, December 2-6, 2000. DOI: 10.1145/358916.361990.
- Taylor J., Davis A. Social Cohesion // *The International Encyclopedia of Anthropology*. 2018. Ed. by Hilary Callan. Hoboken: Wiley. Pp. 1-7. DOI: 10.1002/9781118924396.wbiea2297.
- Wei Y. The Relationship between Social Support and Happiness: The Moderating Effect of Marital Status // *International Journal of Education and Humanities*. 2024. № 16 (3). Pp. 173-175. DOI: 10.54097/xkwxcf09.

References

- Abramova, S. B. (2024), "Temporality and delayed models as dynamic characteristics of happiness", *Sociodynamics*, (10), 40-50, DOI: 10.25136/2409-7144.2024.10.72292, EDN: JFIQQS. (In Russian)
- Abramova, S. B., Antonova, N. L. (2023), "Responsibility as a factor of youth civic activism", *Bulletin of Perm University. Political Science*, 17 (4), 89-101, DOI: 10.17072/2218-1067-2023-4-89-101, EDN: YCSHKF. (In Russian)
- Abramova, S. B., Valeeva, M. V. (2025), "Social fears and happiness: Dualism in the formation of the delayed happiness models", *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya*, 25 (1), 20-30, DOI: 10.18500/1818-9601-2025-25-1-20-30, EDN: FIBYXJ. (In Russian)
- Velikaya, N. M., Tartygasheva, G. V., Novozhenina, O. P. (2023), "Ideas about the Geopolitical Future of Russia as a Factor of Russian Society Consolidation", *Russian Journal of Regional Studies*, 2 (123), 275-293, DOI: 10.15507/2413-1407.123.031.202302.275-293, EDN: TXSBSX. (In Russian)
- Voronov, V. A. (2023), "Value foundations of consolidation in the conditions of a risk-genous society", *Sotsialno-gumanitarnye znaniya*, (8), 5-7, EDN: AEDHVE. (In Russian)
- Evstifeev, R. V., Zadorin, I. V., Krupkin, P. L., Lebedev, S. D. (2015), "Urban local identities: problems of differentiation and factors of consolidation of local communities", *Regional differentiation and consolidation of the social space of Russia: realities and new challenges: V Sukharev readings: materials of the All-Russian scientific and practical conference* [Regional Differentiation and Consolidation of Russia's Social Space: Realities and New Challenges: V Sukharev Readings: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Saransk, October 15-16, 2015], State budgetary institution of the Republic of Mordovia "Scientific center for social and economic monitoring", Saransk, 368-373, EDN: VGAUXT. (In Russian)
- Gorshkov, M. K., Tyurina, I. O. (2023), "Consolidation of the Russian society under contemporary challenges: Social-historical and value contexts", *RUDN Journal of Sociology*, 23 (4), 720-739, DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-4-720-739, EDN: FQZJXO. (In Russian)
- Dubrovin, V. L. (2025), "Religion and social integration. concept of civil religion and the problem of its formation in nowadays Russian society", *Humanities of the South of Russia*, 5 (75), 45-60, DOI: 10.18522/2227-8656.2025.5.3, EDN: VARMUM. (In Russian)
- Ilicheva, L. E., Lapin, A. V. (2022), "Trust in the authorities and social consolidation of society", *Science. Culture. Society*, 28 (3), 50-67, DOI: 10.19181/nko.2022.28.3.4, EDN: UZXUSM. (In Russian)
- Nedyak, I. L. (2024), "Perspectives for Transformative Policy and Consolidation of Russian Society: Reliance on the Civic Spirit", *Sociopolitical Sciences*, 14 (4), 44-50, DOI: 10.33693/2223-0092-2024-14-4-44-50, EDN: NWKAE0. (In Russian)

- Nemova, O. A., Svadbina, T. V. (2024), "The experience of intergenerational translation of basic values as a factor in ensuring solidary relations in Russian society", *Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Sociology. Pedagogy. Psychology*, 10 (76), 13-28, EDN WPNCWR. (In Russian).
- Polyushkevich, O. A. (2017), "Ideological Resources of Sociocultural Solidarity", *Public Administration. E-journal*, (64), 217-230, EDN: XDBSAU. (In Russian).
- Rastvorov, A. I., Emelyanova, O. B., Maslova, E. S. (2025), "Postmodernity and Traditional Russian Identity", *Society: Philosophy, History, Culture*, (6), 222-233, DOI:10.24158/fik.2025.6.28. (In Russian).
- Samsonova, T. N., Shpuga, E. S. (2015), "On the issue of modern Russian society's consolidation", *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*, (4), 98-118, EDN: WBOREV. (In Russian).
- Seleznyov, P. S., Surguladze, V. Sh. (2021), "Digital challenges of social and political consolidation and collective society identity", *Age of Globalization*, 4 (40), 131-144, DOI: 10.30884/vglob/2021.04.09, EDN: TKUWLO. (In Russian).
- Semenova, L. E., Urusova, E. A., Vasilyeva, D. A. (2017), "The place of family in the representations of women and men about happiness", *World of Science. Pedagogy and psychology*, (2), available at: <https://mir-nauki.com/PDF/36PSMN217.pdf> (Accessed 16 June 2025), EDN: YUQKWR. (In Russian).
- Sinyavskaya, O. V., Cherviakova, A. A. and Kareva, D. E. (2019), "Happy helpers? The impact of social activity on the levels of happiness among people aged 50 and over in the European countries", *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, (6), 237-258, DOI: 10.14515/monitoring.2019.6.12, EDN: JQDDWR. (In Russian).
- Uzunov, V. V. (2019), "Social consolidation in the framework of research discourse", *Social and Humanitarian Knowledge*, (7), 118-124, EDN: OZDUWX. (In Russian).
- Hunagov, R. D. (2023), "Consolidation of the Russian regional community: risk and threat analysis", *Humanities of the South of Russia*, (1), 39-53, DOI: 10.18522/2227-8656.2023.1.3, EDN: CQRQFD. (In Russian).
- Chigrin, V. A., Uzunov, V. V. (2022), "Features of Social Consolidation of Regional Communities in the South of Russia", *Humanities of the South of Russia*, 11 (1), 150-159, DOI: 10.18522/2227-8656.2022.1.11, EDN: ZYZNSE. (In Russian).
- Davtyan, D. V., Selyukov M. V., (2017), "Value of justice as the basis for building consolidation of the population in modern Russia", *Research Result. Sociology and Management*, 3 (4), 107-113, DOI: 10.18413/2408-9338-2017-3-4-107-113, EDN YWYLPF.
- Delhey, J., Boehnke, K., Dragolov, G. et al. (2018), "Social Cohesion and Its Correlates: A Comparison of Western and Asian Societies", *Comparative Sociology*, 17 (3-4), 426-455, DOI: 10.1163/15691330-12341468.
- Dhiman, N., Kanojia, H., Jamwal, M. et al. (2025), "A systematic review on employee happiness: three-decade review, synthesis and research propositions", *Journal of Management History*, available at: <https://www.emerald.com/insight/1751-1348.htm> (Accessed 16 June 2025).
- Fredrickson, B. L. (2001), "The role of positive emotions in positive psychology. The broaden-and-build theory of positive emotions", *Am Psychol*, 56 (3), 218-226, DOI: 10.1037//0003-066x.56.3.218.
- Hamilton, C. (2004), "Carpe Diem? The Deferred Happiness Syndrome". The Australia Institute, 2004, available at: https://australiainstitute.org.au/wp-content/uploads/2020/12/WP57_8.pdf (Accessed 10 June 2025).
- Leininger, J., Burchi, F., Fiedler, Ch. et al. (2021), "Social cohesion: a new definition and a proposal for its measurement in Africa", *Discussion Paper*, (31), DOI: 10.23661/dp31.2021.v1.1.
- Leung, A., Kier, Ch., Fung, T., et al. (2011), "Searching for Happiness: The Importance of Social Capital", *Journal of Happiness Studies*, 12 (3), 443-462, DOI: 10.1007/s10902-010-9208-8.
- Lyubomirsky, S., King, L. and Diener, E. (2005), "The Benefits of Frequent Positive Affect: Does Happiness Lead to Success?", *Psychological Bulletin*, 131 (6), 803-855, DOI: 10.1037/0033-2909.131.6.803.
- Moustakas, L. (2023), "Social Cohesion: Definitions, Causes and Consequences", *Encyclopedia*, (3), 1028-1037, DOI: 10.3390/encyclopedia3030075.
- Putnam, R. D. (2000), "Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community", *Proceedings of the 2000 ACM conference on Computer supported cooperative work. Philadelphia, December 2-6*, DOI: 10.1145/358916.361990.

Taylor, J., Davis, A. (2018), "Social Cohesion", *The International Encyclopedia of Anthropology*, Ed. by Hilary Callan. Hoboken: Wiley, 1-7, DOI: 10.1002/9781118924396.wbiea2297.

Wei, Y. (2024), "The Relationship between Social Support and Happiness: The Moderating Effect of Marital Status", *International Journal of Education and Humanities*, 16 (3), 173-175, DOI: 10.54097/xkwxcf09.

Статья поступила в редакцию 01 июля 2025 г. Поступила после доработки 23 января 2026 г. Принята к печати 01 июня 2026 г.

Received 01 July 2026. Revised 23 January 2026. Accepted 01 June 2026.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Абрамова Софья Борисовна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры прикладной социологии, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия.

Sofya B. Abramova, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Applied Sociology, First President of Russia B. N. Yeltsin Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia.

Валеева Марина Владимировна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник научной «Лаборатория наукометрии», доцент кафедры прикладной социологии, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия.

Marina V. Valeeva, Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher, Scientific Laboratory "Scientometrics Laboratory", Associate Professor at the Department of Applied Sociology, First President of Russia B. N. Yeltsin Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia.